

М. БОВРЖИНСКИЙ.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ ПОЛЬШИ.

(DZIEJE POLSKI)

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-ГО ПОЛЬСКАГО ИЗДАНИЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Н. И. КАРѢЕВА.

Томъ II.

III. F.
380,2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Л. Ф. Пантелеева.
116 1891.

Biblioteka Narodowa
Warszawa

30001003613587

II.98.858

АСТРАНН

Т.2

И.жмот

II.№.1651

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, 27.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ ПОЛЬШИ.

ОТЪ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА.

Русский перевод первого тома польской историі Бобржинскаго появился въ печати три съ половиною года тому назадъ. Замедленіе съ выходомъ въ свѣтъ перевода настоящаго тома произошло вслѣдствіе того, что вопреки ожиданіямъ третье изданіе второго тома подлинника было выпущено авторомъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Къ сожалѣнію, одинъ изъ переводчиковъ вдобавокъ еще заболѣлъ, и пришлось передать работу въ другія руки, что было также причиною небольшого промедленія (I-ый т. былъ переведенъ А. М. Гриневецкимъ и В. Д. Цвѣтницкимъ, II-ой—В. А. Мякотинымъ и В. Д. Цвѣтницкимъ). Редактируя переводъ настоящаго тома, я держался того же правила, которымъ руководствовался и при редакціи перевода первой части, т. е. наблюдалъ за возможно большею точностью въ передачѣ мыслей и даже выражений автора, не позволяя себѣ ни въ томъ, ни въ другомъ никакихъ измѣненій. Весьма желалъ бы, чтобы появление этой части труда Бобржинскаго на русскомъ языкѣ не вызвало такихъ нареканій, какими, къ сожалѣнію, сопровождался выходъ въ свѣтъ перевода первой части.

Н. Карѣевъ.

24 ноября 1891 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Періодъ третій отъ конца XV до конца XVIII вѣка. Польша новыхъ временъ.

	СТР.
Литература третьаго периода	1
I. Альбрехтъ и Александръ преобразовываютъ Польшу при помощи шляхты (1492—1506)	4
§ 64. Великіе планы Альбрехта	6
§ 65. Борьба Александра съ мажновладствомъ	17
§ 66. Преобразование государства	20
II. Слабая и близорукая политика Сигизмунда I губить историческое призвание народа и производить анархію. (1506—1548)	27
§ 67. Первая реформы Сигизмунда	30
§ 68. Отречение во внѣшней политикѣ	35
§ 69. Общественный перевѣсь шляхты	43
§ 70. Новое движение шляхты	48
§ 71. Другія реформы Сигизмунда	53
§ 72. Куриная война. Анархія	55
III. Реформація. Шляхта терпитъ пораженіе въ своей борьбѣ съ анархіей изъ-за реформы Рѣчи Посполитой (1548—1575).	58
§ 73. Реформація въ Польшѣ	61
§ 74. Программа Рѣчи Посполитой	68
§ 75. Первый періодъ борьбы изъ-за реформы Рѣчи Посполитой (1548—1559)	73
§ 76. Война изъ-за Лифляндіи	80
§ 77. Второй періодъ борьбы изъ-за реформы Рѣчи Посполитой (1562—1572)	83
§ 78. Третій періодъ борьбы изъ-за реформы Рѣчи Посполитой. Первое безкоролевье (1572—1574)	101
IV. Возвращеніе къ католичеству. Сигизмундъ III губить плоды великой дѣятельности Стефана Баторія (1575—1608)	113
§ 79. Избраніе Стефана Баторія. Его политика (1575—1608)	116
§ 80. Война (1577—1582)	121
§ 81. Іезуиты	125
§ 82. Внутреннія реформы	132

	СТР.
§ 83. Замойский остается господиномъ положенія въ безкоролевье (1587—1588 гг.)	138
§ 84. Политика Сигизмунда III	141
§ 85. Бунтъ Зебржидовскаго	156
§ 86. Золотая свобода	161
V. Ошибочная вѣшняя политика доводить Польшу до потери политиче- скаго значенія въ Европѣ. (1608—1655).	
§ 87. Войны Сигизмунда III-го	169
§ 88. Польша въ тридцатилѣтнюю войну	170
§ 89. Дальнѣйшее внутреннее разстройство	176
§ 90. Владиславъ IV (1632—1648) сохраняетъ нейтралитетъ Польши въ тридцатилѣтней войнѣ.	180
§ 91. Янъ Казимиръ (1648—1668). Козацкія войны	186
§ 92. Шведскія нападенія	197
VI. Ошибочная вѣшняя политика дѣлаетъ напрасными усилия поднятьсь изъ упадка (1655—1717).	
§ 93. Отраженіе шведскіхъ нападеній	204
§ 94. Мятежъ Любомирскаго уничтожаетъ первую попытку реформы, предпринятой французской партіей	206
§ 95. Избрание Михаила Вишневецкаго—второе пораженіе француз- ской партіи	208
§ 96. Янъ Собѣскій (1674—1696) обманываетъ надежды француз- ской партіи	215
§ 97. Австрійскій союзъ уничтожаетъ планы реформы Собѣскаго. .	219
§ 98. Августъ II (1637—1733). Его планы государственного перево- рота въ союзѣ съ Россіей (до 1717 г.)	221
VII. Переѣтъ Россіи. Полная анархія кончается первымъ раздѣломъ стра- ны (1717—1773).	
§ 99. Картина паденія	224
§ 100. Планы Потоцкихъ	233
§ 101. Покушеніе на переворотъ со стороны Чарторыйскихъ . . .	241
VIII. Возрожденіе въ упадкѣ.	
§ 102. Постоянныи совѣтъ	243
§ 103. Эдукационная комиссія.	254
§ 104. Четырехлѣтній сеймъ (1788—1791).	257
§ 105. Второй и третій раздѣлы Рѣчи Посполитой (1792—1795). .	273
Генеалогическая таблица династіи Вазъ.	276
Общіе выводы	282
Свѣдѣнія по политической географіи новѣйшей Польши . . .	289
	302
	307
	309
	328

ПЕРИОДЪ ТРЕТИЙ

отъ конца XV до конца XVIII вѣка.

ЛИТЕРАРА ТРЕТЬЯГО ПЕРИОДА.

Дѣятельность издателей историческихъ источниковъ, развившаяся у насъ въ послѣдніе годы, обратилась главнымъ образомъ на источники средневѣковые уже по тому одному, что ихъ сохранилось меньше и что каждый изъ нихъ даетъ что-нибудь новое и долженъ быть основательно изученъ. Источниковъ этихъ опубликовано сравнительно такъ много, что историкъ, пишущій о среднихъ вѣкахъ, имѣя подъ руками печатный матеріаль, можетъ безъ архивныхъ изысканій предпринимать на основаніи его труды, обнимающіе цѣлый періодъ или значительные его отдѣлы. Начиная съ XVI вѣка, число дошедшихъ до насъ источниковъ возрастаетъ почти безъ конца, такъ что о напечатаніи ихъ во всемъ объемѣ не можетъ быть и рѣчи, и историкъ всегда будетъ принужденъ обращаться къ помощи архивовъ. Къ тому же изданіе источниковъ новой нашей исторіи не велось рационально. Издано довольно много отрывковъ изъ источниковъ дипломатическихъ, изданіе которыхъ относительно менѣе всего необходимо и которыхъ, именно благодаря ихъ громадности, никогда нельзѧ будетъ издать полностью; источниковъ же для внутренней исторіи издано слишкомъ мало. Довольно сказать, что у насъ нѣть еще опубликованныхъ въ полномъ составѣ источниковъ для исторіи хотя бы одного изъ болѣе значительныхъ городовъ, хотя бы одной деревни, нѣть дневниковъ сеймовъ, королевскихъ указовъ и т. п. При отсутствіи же этихъ источниковъ трудно писать о внутреннихъ отношеніяхъ этого

періода и представить все ихъ развитіе въ продолженіе трехъ послѣднихъ столѣтій. Нашъ взглядъ на исторію внутреннихъ отношеній третьаго періода мы принуждены выяснить себѣ съ большимъ трудомъ изъ монографій, которыя, выходя часто за предѣлы своего предмета, бросаютъ свѣтъ на предыдущія и послѣдующія отношенія. Мы приведемъ перечень ихъ въ литературѣ отдѣльныхъ главъ.

Уже здѣсь мы можемъ однако указать нѣсколько сочиненій, которыя, побѣждая всѣ указанныя затрудненія, охватываютъ въ представленіи внутреннихъ отношеній, если не весь періодъ, то по крайней мѣрѣ значительную часть его. Къ такимъ мы причисляемъ прежде всего выдающіеся и единственные въ своемъ родѣ труды Адольфа Павинскаго: «Финансы въ Польшѣ и ихъ исторія при Стефанѣ Баторії» (*«Skarbowosc w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego»*. Warszawa. 1881) и «Сеймикое правленіе въ Польшѣ, изображенное на основаніи отношеній куявскихъ воеводствъ» (*«Rzady sejmikowe w Polsce natle stosunków wojskowych ku jawskich»*. Warszawa. 1888). Первый изъ нихъ, основываясь главнымъ образомъ на источникахъ временъ Баторія, объясняетъ однако всю финансовую политику Польши послѣдняго періода, такъ какъ въ этой области наименѣе произошло измѣненій и они носили наименѣе рѣшительный характеръ. Второй объяснилъ намъ, правда, только съ 1572 г., главную пружину польского парламентаризма, находившуюся въ сеймикахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ намъ подробное изображеніе автономіи воеводствъ. Можетъ быть другіе авторы превышаютъ Павинскаго проницательностью сужденія или блескомъ изложенія, но несомнѣнно, что никто изъ нихъ не обогатилъ до сихъ порь нашей исторіографіи такимъ рядомъ фактovъ и наблюдений высокой важности.

Вторымъ трудомъ съ болѣе широкой задачей является сочиненіе Станислава Тарновскаго: «Политические писатели XVI вѣка». (*«Pisarze polityczni XVI wieku»*. 2 тт. Krakow 1886 г.). Оно дополняетъ и собираетъ въ одно цѣлое рядъ работъ этого автора и многихъ другихъ новѣйшихъ историковъ, относящихся къ развитію политической литературы и реформъ въ XVI столѣтіи. Сочиненіе это не только важно вслѣдствіе многихъ заключающихся въ немъ фактическихъ подробностей, но не менѣе любопытно еще и тѣмъ, что въ немъ приведены въ нѣкоторое равновѣсие высказанные другими историками нерѣдко противорѣчивые взгляды на внутреннюю исторію XVI вѣка.

Къ этимъ же временамъ относится добросовѣстный трудъ Освальда Бальцера: «Генезисъ короннаго трибунала». (*«Geneza trybunału kogopnego»*. Warszawa. 1886.), который кромѣ генезиса трибунала представляетъ намъ на основаніи источниковъ картину польского судопроизводства въ XV и XVI вѣкахъ.

Наконецъ здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о сочиненіи Фаддея Корзона: «Внутренняя исторія Польши въ царствованіе Станислава Августа». (*«Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta»*. 4 тт. Kraków. 1882—1886). Изслѣдованіе это слишкомъ неравномѣрно и въ нѣкоторыхъ частяхъ неумѣло, но поражаетъ зато громадностью материала, добытаго изъ архивовъ, и даетъ намъ столь подробное изображеніе внутреннихъ отношеній второй половины XVIII вѣка, что предшествующія времена должны будутъ еще долго ожидать подобнаго.

работа, написанная съ большою проницательностью, его же: «Разборъ послѣ-длуговской части хроники Бернarda Ваповскаго» («Rozbiór pod-ługoszowej części kroniki Bernarda Wapowskiego», Rozprawy wydz. hist. Akademii. Kraków 1879, t. X и XI) заключаетъ въ себѣ подробный критический разборъ источниковъ.

Пуласкаго, Казимира: «Менгли-Гирей, ханъ перекопскихъ татаръ» («Mendligirej, chan Tatarów perekopskich»). Przewodnik nauk. Lwów 1879, также подъ заглавиемъ: Stosunki Polski z Tatarsczechna od połowy XV wieku. Tom I. Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów perekopskich». Warszawa 1881).

Яблоновскаго, Александра: «Волошская дѣла при Ягеллонахъ» («Sprawy wołoskie za Jagiellonów», Źródła dziejowe, t. X. Warszawa 1878), работа, произведенная въ широкихъ размѣрахъ и пополнившая большой пробѣль въ нашей историографии; его же: «Подолія въ концѣ 15-го вѣка» («Podole u schyłku XV wieku», Ateneum. Warszawa. 1880).

Гиршберга, Александра: «Коалиція Франції съ Ягеллонами въ 1500 г.» («Koalicja Francji z Jagiellonami w g. 1500»). Przewodnik nauk. Lwów 1882).

Лиске, Ксаверія: «Крестоносцы въ Польшѣ» («Krzyżacy w Polsce»), Przewodnik nauk. Lwów. 1875).

Бостля, Фердинанда: «Неизвѣстная сеймовая конституція 1501 г.» («Nieznaną konstytucyę sejmową z g. 1501», Kwartalnik hist. Lwów 1889).

Его же: «Временной радомскій законъ 1505 г.» («Tymczasowa ustawa radomska z g. 1505». Kwartalnik hist. Lwów 1889).

Г. Карпова: «Исторія борьбы московского государства съ польско-литовскимъ». Москва. 1867.

Обширную обработку исторіи времени съ 1481—1506 г. даль въ послѣднее время Яковъ Каро: «Исторія Польши» («Geschichte Polens». Fünfter Theil, zweite Hälfte. Gotha. 1888). Мое изображеніе внутреннихъ отношеній этого времени онъ упрекаетъ, правда, въ анахронизмѣ, но, насколько я могу судить, самъ слѣдуетъ ему и ни въ чёмъ болѣе важномъ не исправляетъ его.

Альбрехтъ и Александръ преобразовываютъ Польшу при помощи шляхты.

(1492—1506).

ЛИТЕРАТУРА.

Францискъ Черны: «Царствованіе Альбрехта и Александра» («Panowanie Olbrachta i Alexandra», Kraków 1872) и Сбигнѣвъ Князелуцкій: «Инъ Альбрехтъ, король польскій, въ первые годы своего правленія» («Johann Albert König von Polen in seinen ersten Regierungsjahren», Leipzig 1875) находятся еще подъ влияніемъ старого взгляда, представляя шляхту, какъ зрѣлый политически элементъ, который въ борьбѣ съ королями ограничивается ихъ и законами 1505 г. отнимаетъ у нихъ власть.

Новый взглядъ на внутреннюю исторію, основанный на неизвѣстныхъ рукописныхъ источникахъ, проводить работа Михаила Бобринского: «Польские сеймы при Альбрехтѣ и Александрѣ» («Sejmy polskie za Olbrachta i Alexandra». Ateneum, 1876, №№ 4 и 5) и его же: «Станиславъ Заборовскій», эскизъ изъ польской литературы («Stanisław Zaborowski», studyum z literatury polskiej, Przewodnik naukowy, Lwów, 1877), представля дѣло такъ, что Альбрехтъ и Александръ правили съ помощью шляхты вопреки возможнѣству. Съ этимъ основнымъ взглядомъ соглашается и Шуйский (въ рецензіи моей «Исторіи» и въ чтеніяхъ: Возрожденіе и реформація («Odrodzenie i reformacja», 1880), но законъ 1505 г. онъ считаетъ стѣсненіемъ королевской власти, о чмъ подробнѣе будетъ сказано въ примѣчаніяхъ.

Бостля, Фердинанда: «Zakaz Miechowity» (Przewodnik naukowy, Lwów 1884) цѣнно, какъ разборъ источниковъ, его же: «Избраніе Александра» (Elekcya Alexandra, Przewodnik nauk., Lwów 1887).

Лукаса, Станислава: «О мнимомъ походѣ на турокъ 1497 г.» («O rze-
komej wyprawie na Turka w g. 1497», Album Kraszewskiego, Lwów, 1879)

Великіе планы Альбрехта.

(1492—1501).

Казимир Ягеллонъ не довершилъ дѣла, надъ которымъ трудился всю жизнь съ такой настойчивостью. Въ моментъ его смерти (7 июня 1492) страны, подчиненные еkipетру Ягеллоновъ: Польша, Литва, Пруссія, Чехія, Венгрія и Валахія, не были еще соединены настолько тѣсно, какъ обѣ этомъ мечталъ величайшій изъ Ягеллоновъ; не была создана новая внутренняя организація, которая должна была обеспечить правильное развитіе государства и большую внѣшнюю силу въ будущемъ. Никто однако не оставилъ своимъ наслѣдникамъ наслѣдства больше и богаче. Занявъ престолъ послѣ пораженія при Варнѣ, онъ соединилъ Польшу болѣе тѣсною связью съ Литвою, возвратилъ Пруссію, привелъ въ вассальную зависимость Валахію, распространилъ господство династіи на Чехію и Венгрію. Занявши престолъ государства, взволнованного вельможами, онъ восстановилъ авторитетъ монаршой власти, уничтожилъ привилегіи и на мѣсто эгоизма сословій поставилъ идею общественного блага. Послѣ него остались два политические принципа, которые онъ прививалъ въ сердцахъ и умахъ народа: смѣлый починъ во внѣшней политикѣ и союзъ короля съ массою «шляхты»—во внутренней. Самымъ дорогимъ однако для народа наслѣдствомъ послѣ Казимира Ягеллона были его пять сыновей (шестой: Казимиръ святой умеръ преждевременно въ 1483 г. *), которымъ онъ вмѣстѣ

*) Владиславъ Ягеллонъ, первый сынъ Казимира и Елизаветы, род. въ 1465 г., избранъ королемъ чешскимъ въ 1471 г., венгерскимъ въ 1490, умеръ въ 1516 г., оставилъ сына Людовика. Казимиръ, второй сынъ, родился въ 1458, умеръ 1483, причисленъ къ ліку святыхъ въ 1520. Янъ Альбрехтъ, третий сынъ, родился 1459, избранъ польскимъ королемъ въ 1492 г., умеръ бездѣтнымъ 8 июня 1501 г. Александръ, четвертый сынъ, род. въ 1460 г.,

съ своей женою, а ихъ матерью, Елизаветою Австрійской, женщиною рѣдкаго ума и характера, далъ прекрасное воспитаніе и завѣщалъ свою вполнѣ династическую политику. Королевскіе сыновья учились у такихъ учителей, какъ историкъ Длугошъ и Филиппъ Буонакорсі, известный во всей Европѣ подъ псевдонимомъ Каллимаха гуманистъ; въ тайны веденія государственныхъ дѣлъ они были посвящаемы подъ непосредственнымъ руководствомъ отца и уже принимали въ нихъ дѣятельное участіе. Однако это не изгладило выдающихся различій, которыхъ не трудно было замѣтить въ ихъ характерахъ. Фридрихъ, любящій весело пожить, по своей слабохарактерности болѣе всего былъ похожъ на самого старшаго брата, Владислава, совершенно неспособнаго короля Чехіи и Венгріи; Сигизмундъ отличался храбростью, ласковостью въ обращеніи и безукоризненною нравственностью; въ характерѣ Александра выдавалось чисто литовское упорство, соединявшееся съ наружнымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ. Одинъ только Янъ Альбрехтъ проникся самодержавной политикой отца и, казалось, во всемъ превосходилъ братьевъ; онъ же сталъ во главѣ ихъ и первый взялъ въ свои руки дѣло отца.

Сейчасъ же послѣ смерти Казимира подняла голову аристократическая анархія, подавлявшаяся его желѣзной рукой. Литовскіе «паны», не спрашиваясь Польши, провозгласили своимъ великимъ княземъ Александра и заставили заплатить себѣ за это избраніе большими привилегіями; у польскихъ «пановъ», собравшихся на выборы въ Петровъ и выдвигавшихъ разныхъ кандидатовъ, даже князей мазовецкихъ, очевидно былъ на умѣ такой же торгъ. Альбрехтъ, видя это, приводить въ Петровъ вооруженный отрядъ и силой заставляетъ признать и короновать себя. Нельзя было рѣзче возобновить традицію отца и болѣе открыто бросить перчатку «мажновладству», во главѣ котораго стоялъ двоюродный братъ Сигизмунда Олесницкаго, тоже Сигизмундъ и тоже архиепископъ гнѣзденскій. Противъ возможнаго съ этой стороны сопротивленія Альбрехтъ обезпечиваетъ себя немедленно заключеннымъ въ 1492 г. договоромъ въ Буда-Чештѣ съ братомъ

вступившемъ на литовскій престолъ въ 1492 г., избранъ на польскій престолъ въ 1501 г., умеръ 19 августа 1506 г. въ Вильнѣ. Отъ жены Елены, дочери московскаго князя Ивана Васильевича, потомства не оставилъ. Сигизмундъ, пятый сынъ, впослѣдствіи король, см. ниже. Фридрихъ род. въ 1468 г., сдѣланъ епископомъ краковскимъ въ 1488 г., съ 1493 также и архиепископомъ гнѣзденскимъ, съ 1495 г. кардиналомъ, умеръ въ 1503 г.

Владиславомъ, въ силу которого оба брата обѣщаютъ другъ другу помочь противъ нарушителей внутренниго порядка. Но болѣе дѣйствительную опору своему правленію молодой король нашелъ въ традиціонномъ союзѣ со «шляхтою». Первые годы своего царствованія онъ посвящаетъ удовлетворенію ея интересовъ, такъ долго остававшихся въ пренебреженіи. На двухъ великихъ сеймахъ 1493 и 1496 гг., происходившихъ въ Петровѣ, обезпечена была ей опека закона, упорядочены суды земскіе и гродскіе, ограничена компетенція судовъ церковныхъ, строгими постановленіями обузданы разбои и насилия и наконецъ отмѣнены законы, стѣсняющіе благосостояніе «шляхты». Въ этомъ дѣлѣ Альбрехтъ зашелъ слишкомъ далеко, онъ дозволилъ «шляхтѣ» захватить всѣ церковныя должности въ ущербъ интеллигенціи, образующейся изъ низшихъ сословій; забывая, что когда-нибудь и города и простой народъ могутъ сдѣлаться необходимой опорой государства, онъ не удержалъ шляхты отъ вступленія на тотъ путь, который вѣль къ упадку городовъ и неволѣ народа, и позволилъ ей эксплоатировать весь народъ. Но шляхта не забыла о королѣ. Огромные налоги, вотированные сеймами и падавшіе безъ всякихъ исключений на шляхту, пановъ, духовенство и города, наполнили казну; поддержка шляхты принудила вельможъ къ невиданному до того времени повиновенію и покорности. Дѣлѣ высшей должности, которыхъ до сихъ поръ занимали вожди можновладства въ борьбѣ съ королемъ—епископство краковское и архіепископство гнѣзенское, въ 1493 г. занялъ и совмѣстилъ братъ короля, Фридрихъ, искренно ему преданный. Послѣ «можновладства» пришла очередь коронныхъ вассаловъ. Въ 1494 г. король пріобрѣлъ покупкою княжество заторское и присоединилъ его къ государству, какъ интегральную часть. Княжество плоцкое послѣ бездѣтной смерти князя Януша II въ 1495 г. вернулось къ коронѣ; послѣдній же изъ мазовецкихъ Пастовъ, Конрадъ III, оставленный въ восточной Мазовіи, долженъ былъ признать полную свою зависимость отъ польского короля. Тевтонскому ордену угрожала идея перенесенія его въ Подолію для борьбы съ татарами и турками, нашедшая вліятельного послѣдователя въ епископѣ Вармійскомъ, совѣтникѣ Альбрехта, Лукѣ Ватцельроде. Поэтому магистръ ордена Іоаннъ Тиффенъ не только прекратилъ вражду къ Польшѣ, но даже лично, по призыву короля, отправился со своими рыцарями въ походъ 1497 г. Итакъ Польша пользовалась внутреннимъ спокойствіемъ и безопасностью, какъ никогда прежде, и могла на-

править всѣ свои огромныя силы въ ту сторону, где ей предстояло выполнить великую историческую миссію. Эта миссія представлялась ей на Востокѣ, для котораго долгое царствованіе Казимира Ягеллона не прошло безъ значительныхъ слѣдовъ.

Казимиръ сдерживалъ слишкомъ далеко заходившія стремленія поляковъ по отношенію къ Литвѣ съ той только цѣлью, чтобы сильнѣе упрочить унію ея съ Польшой и открыть болѣе широкій путь мирному вліянію польской цивилизациіи въ Литвѣ. Поэтому въ 15-мъ вѣкѣ Литва, несмотря на городельскую унію, остается отдѣльнымъ государствомъ и ревниво оберегаетъ свою самостоятельность, но, развиваясь по образцу и при помощи Польши, она все болѣе къ ней приближается и все болѣе дѣлается на нее похожей. Польская политическая организація (воеводства, каштелянства), ограничивавшаяся первоначально собственно Литвою (Вильно, Троки), постепенно распространяется на ея восточные, русскія области; судебная организація развивается на польскихъ образцахъ; города по примѣру Польши принимаютъ колонистовъ и общинное пѣмѣцкое устройство, а вмѣстѣ съ ними промышленность и торговлю Запада. Населеніе возрастаетъ количественно, возрастаютъ благосостояніе и просвѣщеніе, духъ свободы, вѣюющій изъ Польши, потрясаетъ феодализмъ и распространяется и въ низшихъ слояхъ народа. Большимъ шагомъ впередъ по этому пути была для Литвы привилегія Казимира Ягеллона 1457 г., которая освобождала «шляхту» отъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, давала ей личную свободу въ отношеніяхъ семейныхъ и имущественныхъ, обеспечивала отъ произвола правителей и отдавала въ ея власть деревенское населеніе. Литовское можновладство достигаетъ по примѣру польскихъ пановъ такой самостоятельности, что послѣ смерти Казимира Ягеллона не только, не ожидая новаго польского короля, избираетъ своимъ великимъ княземъ Александра, но при этомъ удобномъ случаѣ вынуждаетъ его дать грамоту, въ которой великий князь обѣщаетъ не измѣнить собственою властью постановленій, принятыхъ имъ въ совѣтѣ литовскихъ пановъ, и тѣмъ самымъ допускаетъ можновладство къ законному участію въ правленіи.

Литовскій элементъ, несмотря на принятіе католицизма, стоитъ однако на второмъ планѣ по отношенію къ русскому, который господствуетъ въ устной рѣчи и въ письменности даже въ правительственныйхъ сферахъ и при великороссийскомъ дворѣ и имѣетъ свой центръ тяжести въ Вильнѣ. Все это однако относится только

къ Бѣлой Руси, такъ какъ Русь южная, лежащая ниже Припети, развивалась совсѣмъ особымъ путемъ.

Она состояла изъ двухъ большихъ областей, изъ которыхъ одну образовала Волынь, другую—Червонная Русь. Эта послѣдняя вмѣстѣ съ землею Белзкою (присоединеною въ 1462 г.) и Подолій (занятой въ 1430 г.) составляла интегральную часть польскаго государства и грамотами Казимира Ягеллона 1456 г. была совершенно сравнена въ отношеніи правъ и порядка управленія съ другими областями Рѣчи-Посполитой. Вторая половина XV вѣка была рѣшительнымъ моментомъ для Червонной Руси и Подолія. Усердная хозяйственная дѣятельность, поддерживаемая непрестанной польской колонизацией и нѣмецкими поселеніями въ городахъ, превращаетъ русскіе пустыри въ страну населенную, богатую, счастливую, текущую молокомъ и медомъ. Многочисленные польские роды, переселившіеся въ эту страну: Одровонжи, Ходецкіе, Ярославскіе, Бучацкіе, занимая высшія должности на Руси, приобрѣти тамъ большія имѣнія, вполнѣ сжились съ мѣстными условіями, можно сказать, сдѣлались ея гражданами и, соединившись многочисленными узами съ русской шляхтою, привлекали ее къ католицизму и полонизму. Католическая іерархія распространяется на Червонной Руси въ эти времена болѣе, чѣмъ когда бы-то ни было прежде, благодаря мудрому хозяйству, особенно архіепископа львовскаго, Григорія изъ Санока, приобрѣтаетъ себѣ сильную материальную опору и не только присвоиваетъ себѣ надъ русской іерархіей первенство, но даже иѣкоторое вліяніе и власть. Начиная съ конца XV вѣка, Червонная Русь и Подолія становятся провинціями до такой степени польскими, что шляхта ихъ вмѣстѣ съ остальной польской шляхтой стремится къ участію въ общественной жизни, въ сеймѣ и сеймикахъ, а тѣмъ самыми стремится уже не къ унії, а къ большей и большей централизации.

Особенное положеніе занимаетъ Волынь, которая еще до 1452 г. имѣла въ лицѣ Свидригайлы своего отдѣльного князя. Послѣ его смерти Волынь удерживаетъ въ своемъ владѣніи Литва (§ 59); великий князь литовскій назначаетъ волынскихъ чиновниковъ, сановники волынскіе засѣдаютъ въ литовскомъ сенатѣ, литовскіе законы распространяются и на Волынь, доходы съ Волыни поступаютъ въ литовскую казну. При всемъ томъ однако Литва, видя, что взоры поляковъ непрестанно обращаются на Волынь, принуждена предоставить ей самоуправление въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Знатные русскіе роды, поселившіеся

на Волыни: Сангушки, Острожскіе, Чарторыйскіе, держать въ своихъ рукахъ ея судьбы. Однако волынскіе русины, трудясь для развитія своей страны и имѣя выборъ между польской и литовской цивилизаціей, очевидно обращаются къ болѣе сильной, т. е. къ первой, и заимствуютъ изъ нея щедрой рукой все, что только возможно взять: политическое и судебное устройство, законы и обычаи; принимая польскія вольности въ большей степени, чѣмъ Литва, они вырабатываютъ у себя среднее шляхетское сословіе, котораго почти совершенно еще не было въ Литвѣ. Соединенная политически съ Литвой, Волынь въ концѣ XV вѣка, въ отношеніи своего развитія и характера жизни, является польскою, или по крайней мѣрѣ полу-польскою областью, естественнымъ посредникомъ между Польшей и Литвой.

На все это столь сильное развитіе Литвы и Руси, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на культурное движение Польши на востокѣ оказало сильное вліяніе въ XV вѣкѣ новое событие, въ высшей степени важное. Пораженіе Витовта при Ворсклѣ въ 1422 г. не позволило стремленію Польши и Литовской Руси къ востоку достигнуть своихъ естественныхъ границъ—Чернаго моря и большихъ степей, отдѣляющихъ Европу отъ Азіи.

Къ тому же тотчасъ на этихъ границахъ появляются, или, по крайней мѣрѣ, усиливаются и вступаютъ въ новый фазисъ жизни политической организаціи, которая кладутъ преграду дальнѣйшему движению Польши и Руси на востокѣ, а вскорѣ начинаютъ угрожать этому движению даже въ его точкахъ отправленія. Это—Москва, Крымъ и Валахія.

Не всю Русь подчинилъ своей власти великій князь литовскій Гедиминъ; остались еще на сѣверѣ два торговые города, граничившіе съ Литвою и имѣвшіе республиканское устройство: Новгородъ и Псковъ, осталось еще иѣсколько княжествъ, дальше другихъ выдвинутыхъ къ востоку: Рязань, Сузdalъ, Тверь и Москва. Княжества эти находились подъ страшнымъ игомъ монголовъ, которое своимъ дикимъ, варварскимъ вліяніемъ задерживало ихъ естественное развитіе и разрывало ихъ связи съ цивилизованнымъ міромъ. Однако монгольское иго развило въ этой части русского народа ту силу тихаго сопротивленія и выносливости, которая сдѣлалась самой выдающейся его чертой и факторомъ его величія впослѣдствії. Татарскіе ханы, желая въ этихъ крайнихъ владѣніяхъ своего обширнаго государства обеспечить себѣ порядокъ, правильную уплату дані и доставленіе военныхъ вспомогательныхъ отрядовъ, поддерживали власть кня-

зей надъ подчиненнымъ имъ народомъ, способствовали ея росту, завоеваниемъ сосѣднихъ чудскихъ и финскихъ племенъ, соединенію отдѣльныхъ, разрозненныхъ княжествъ въ рукахъ одного владѣтеля, пока такой владѣтель не начинай казаться имъ самимъ слишкомъ могущественнымъ и опаснымъ. Тогда ханъ призывалъ его къ себѣ и устранилъ посредствомъ жестокаго приговора, или же въ случаѣ неповиновенія высылалъ противъ него грозный полчища, подавляя бунтъ и возводилъ на княжескій престолъ другого претендента. Въ такомъ ужасномъ кругу вращалась исторія Сѣверной Руси въ XIII и XIV вѣкахъ. Въ эти то времена московскіе князья пріобрѣли рѣшительный перевѣсъ надъ сосѣдними князьями, создали въ Москвѣ центръ политической и религіозной жизни этой части Руси, наконецъ провозгласили даже идею низверженія монгольского ига. Уже Дмитрій Донской, великий князь московскій, побѣдоносной битвой на Куликовомъ полѣ въ 1380 г. доказалъ, что могущество татаръ не есть несокрушимое. Одно сраженіе не могло однако рѣшить всего дѣла. Тѣмъ временемъ соединеніе Литвы съ Польшей еще усилило значеніе Москвы, такъ какъ создало въ ней точку опоры для тѣхъ сосѣднихъ русиновъ, которые съ недовольствомъ переносили господство Литвы и опасались возрастающаго вліянія Польши и ея католической церкви. Церковная флорентинская унія, непопулярная среди многихъ, увеличила обаяніе московскаго митрополита, который остался вѣренъ восточной церкви. Наконецъ въ 1462 г. на великокняжескій престолъ вступилъ Иоаннъ III, называемый Великимъ, который открылъ новую эру въ исторіи Сѣверной Руси.

Побѣдивши въ кровопролитной борьбѣ и присоединивши къ своему государству Новгородъ, Тверь, Ростовъ и Ярославль и укрѣпивъ такимъ образомъ свои силы, онъ обратилъ ихъ противъ татаръ, въ 1480 г. окончательно свергнувъ ихъ иго и началъ наступательную борьбу съ ханами казанскихъ татаръ. Одновременно съ этимъ Иоаннъ предпринялъ планъ еще болѣе смѣлый—соединить всю Русь подъ своимъ скипетромъ. Съ этой цѣлью, для усиленія своего обаянія, онъ въ 1472 г. вступилъ въ бракъ съ Софіей, дочерью послѣдняго Палеолога, и этимъ призналъ себя наследникомъ Византійской имперіи; призывалъ къ своему двору грековъ и даже итальянцевъ, работалъ усиленно при содѣйствіи ихъ надъ поднятіемъ цивилизациіи въ странѣ, надъ улучшеніемъ военнаго и политическаго устройства и народнаго хозяйства, ввелъ великое княжество московское въ связь съ Западомъ и всюду завелъ дипломатическія сношенія.

Такимъ образомъ стали другъ противъ друга двѣ грозныя силы, стремившіяся къ одной цѣли—объединенію Руси, но каждая въ особомъ направлѣніи. Великій князь московскій создавалъ изъ нея одно самостоятельное, отдѣльное православнѣе цѣлое. Литва съ поддерживающей ее Польшей сближала занятія ею русскія области съ католическимъ западомъ и распространяла въ нихъ ассимилирующее вліяніе польской цивилизациіи. Между такими двумя прямо противоположными направленіями необходимо должна была возникнуть вѣковая борьба, которая могла разрѣшиться только окончательнымъ пораженіемъ и сокрушеніемъ одной изъ сторонъ. Борьба эта уже началась въ царствованіе Казимира Ягеллона, когда Иоаннъ отнялъ у Литвы захваченное нѣкогда Витовтомъ верховенство надъ Новгородомъ и Псковомъ, когда же литовцы послѣ смерти Казимира получили особаго государя въ лицѣ Александра и временно потеряли поддержку Польши, сейчасъ же начались кровавыя войны, во время которыхъ побѣдитель Иоаннъ уже въ 1492 г. на счетъ Литвы выдвинулъ свои границы далеко на югъ вплоть до рѣки Десны.

На первыхъ порахъ болѣе грознымъ врагомъ для Польши сдѣлался Крымъ. Часть великой орды монгольской заняла Перекопъ на Крымскомъ полуостровѣ и образовала въ XV вѣкѣ отдѣльную орду подъ главенствомъ особой династіи Гиреевъ. Находясь постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ съ Золотой ордой, т. е. съ татарами заволжскими, крымскіе татары искали сначала помощи въ Литвѣ, но когда въ 1469 г. во главѣ ихъ сталъ Менгли-Гирей, то онъ нашелъ болѣе подходящаго союзника въ Москвѣ, рѣшившій свергнуть иго заволжскихъ татаръ, и тѣмъ самымъ сдѣлался врагомъ Польши и Литвы, воюющей съ Москвой. Слѣдовательно, обстоятельства сложились такимъ образомъ, что Москва въ союзѣ съ Крымомъ выступала противъ Польши и Литвы, соединяющейся съ Золотой ордой, и, дѣйствуя наступательно, получала тѣмъ большую выгоду, что Польша, занятая прусскими и чешскими дѣлами, не могла рѣшительно обратить своихъ силъ на востокъ. Дикія татарскія полчища бросались на недавно еще возникшія селенія Волыни и Подоліи, все, чего нельзя было забрать съ собою, уничтожали огнемъ и мечемъ, населеніе забирали въ неволю и уходили съ добычею въ свои далекія кочевья. Благодаря этому колонизаціонная и хозяйственная дѣятельность на Волыни и Подоліи нуждалась въ постоянной оборонѣ, плугъ долженъ былъ побрататься съ оружіемъ. Возникла особая система защиты южно-русскихъ земель. Тамъ, гдѣ

оканчивалась дикая степь, отдѣлившая русскія селенія отъ татарскихъ кочевьевъ, начинался рядъ укрѣпленныхъ замковъ, идя по линіи Кіева, Винницы, Брацлава и Бара. За однимъ рядомъ шелъ другой до Луцка, Львова и Каменца (Каменецъ Подольска). Въ этихъ «гrodахъ» при извѣстіи о нашествіи собирались окрестные жители съ своимъ имуществомъ и защищались, пока татары не обращались въ бѣгство при приближеніи войска. Однако такая система защиты не могла быть достаточной. Пока собирались вооруженная рать для отраженія нашествія, уже цѣлые округа подвергались грабежу и опустошенію, котораго нельзя было исправить, разбивъ настигнутую татарскую орду и отобравъ плѣнниковъ и добычу.

Борьбу съ татарами затрудняла начавшаяся въ то же время борьба съ Валахіей и стоявшей за ней Турцией. По склонамъ Карпатскихъ горъ, въ бассейнахъ Днѣстра, Серета и Прута, простираясь до береговъ Чернаго моря, лежала страна малонаселенная, еще того менѣе цивилизованная, извѣстная подъ именемъ Молдавіи или Валахіи. Польша столкнулась съ ней уже во времена Казимира Великаго, въ моментъ занятія Червонной Руси. Валашскіе воеводы находили для себя выгоднымъ покровительство Польши, поэтому со временемъ Владислава Ягеллы они признавали себя ея вассалами и, обеспечивая этимъ себя отъ враждебныхъ союзей: венгровъ, татаръ и турокъ, искали въ союзѣ съ Польшей торговыхъ и, культурныхъ выгодъ. Между тѣмъ турки послѣ побѣды, одержанной на поляхъ Варны, послѣ завоеванія Константинополя въ 1453 г., отброшенные отъ границъ Венгрии оружіемъ Гуніадовъ, обратились къ Черному морю и завладѣли его берегами, завоевавъ послѣднюю генуэзскую факторію въ Крыму и захвативъ Килію и Бѣлгородъ, два города, запирающіе устья Дуная и Днѣстра. Валашскимъ господаремъ былъ тогда Стефанъ IV, человѣкъ дикаго, но хитраго и настойчиваго характера, который помышлялъ достигнуть полной независимости и стремился къ ней, возбуждая вражду между союзниками: Польшей, Венгрией и Турцией, и перекидываясь отъ одной стороны къ другой.

Итакъ на восточной границѣ Рѣчи Посполитой накопилась масса трудныхъ и запутанныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, требовавшихъ рѣшительныхъ и хорошо направленныхъ дѣйствій. О томъ, какъ и гдѣ слѣдовалоpaneсти первый ударъ, совѣщался Альбрехтъ со своимъ совѣтникомъ Каллимахомъ, обѣ этомъ же держалъ онъ совѣтъ съ братьями на съездѣ въ Левочи въ 1494 г.,

а потомъ еще въ 1496 г. съ братомъ Александромъ въ Парчовѣ. Какие тамъ составлялись проекты и планы, никто не смогъ узнать, теперь же намъ приходится съ трудомъ только догадываться объ этомъ. Фактически несомнѣнно то, что старались отвратить столкновеніе съ Москвою или, по крайней мѣрѣ, отеречить его. Такъ великий князь Литовскій Александръ въ 1494 г., заключивъ миръ съ Иваномъ Васильевичемъ, старался упрочить его, женившись на его дочери Еленѣ. Путемъ значительныхъ уступокъ успокаивали одну сторону, чтобы съ тѣмъ большей силою ударить на другую, туда, гдѣ были самые насущные интересы какъ Польши, такъ и Литвы. Самымъ важнымъ факторомъ ихъ благосостоянія была торговля, въ которой онъ играли роль посредницъ между далекимъ Западомъ и Востокомъ, владѣя двуми великими торговыми путями, соединяющими Черное море съ Балтійскимъ. Одинъ изъ этихъ путей выходилъ изъ Крыма и черезъ Кіевъ и Вильно шелъ къ Кролевцу (Кенигсбергу) и Ригѣ. Началомъ второго былъ Бѣлгородъ, дальнѣйшими этапными пунктами—Сучава, столица Молдавіи, Львовъ и Краковъ, гдѣ путь этотъ развѣтвлялся къ западу на Вроцлавъ и къ сѣверу по направленію къ Гданску (Данцигу). Татары и турки, занявъ Крымъ и Бѣлгородъ, перерѣзали эти пути—самыя жизненные артеріи благосостоянія и развитія Польши и Литвы. Отстаивая ихъ, нужно было отвоевать ихъ вплоть до береговъ Чернаго моря, добыть для одного изъ нихъ Крымъ, а для другого—Бѣлгородъ.

На первыхъ порахъ ограничились этой послѣдней задачею. Дорога въ Бѣлгородъ шла однако черезъ Валахію, которую турки могли занять каждую минуту и изъ которой они могли сдѣлать себѣ укрѣпленныя ворота для нападеній на всю Русь и Польшу. Итакъ братья Ягеллоны, заключая тѣсный союзъ въ Левочи, совѣтовались о завоеваніи Валахіи. На Валашскомъ престолѣ долженъ былъ сѣсть Сигизмундъ, не получившій еще никакой короны.

Слѣдовательно, огромный походъ въ Молдавію въ 1497 г. подъ личнымъ предводительствомъ Альбрехта былъ великимъ народнымъ предприятіемъ. Къ сожалѣнію, предпріятіе это не удалось. Прежде всего подвели Альбрехта братья, удерживаемые своими собственными подданными. Александръ выслалъ ему на помощь только незначительный отрядъ, самъ же со всѣми силами Литвы сталъ въ Брацлавѣ, удерживая татаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ не спуская глазъ съ Москвы. Неспособный Владиславъ

Венгерский не только не доставилъ вспомогательного войска, но даже не удержалъ венгровъ отъ оказанія помощи Валахіи, которую они всегда ревниво оберегали отъ поляковъ. Польское войско осадило столицу Молдавіи Сучаву, но, когда осада затянулась, а болѣзнь Альбрехта, недостатокъ провіанта и партизанская война, которую велъ Стефанъ съ помощью турокъ и венгерцевъ, вызвали волнение въ лагерь, было решено отступить черезъ буковинскій лѣсъ самымъ краткимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ труднымъ путемъ. Во время печального отступленія пала значительная часть польского рыцарства, такъ какъ мстительные валахи избивали всѣ отстававшіе отъ главнаго войска отряды.

Всльдѣ за этой неудачей на Польшу сейчасъ же обрушилось два большихъ нашествія турокъ, которыхъ съумѣлъ поднять противъ нея валашскій воевода. Губительный полчища турокъ заходили въ 1498 г. даже за Сандомиръ, пока суровая зима не принудила ихъ къ непріятному возвращенію. Народное ополченіе («посполитое рушеніе»), собиравшееся медленно и недисциплинированное, не смогло предупредить опустошенія страны, захвата плѣнниковъ и добычи. Хуже всего было то, что исчезло обаяніе, которое имѣло польское оружіе до тѣхъ поръ въ этихъ страахъ; съ этого времени стали свирѣпствовать татарскія нашествія, ангель опустошенія парили надъ Волынью, Русью и Подоліей, и много здѣсь погибло плодовъ вѣковаго колонизаціоннаго и просвѣтительнаго труда.

Первой задачей короля сдѣлалось теперь отвращеніе отъ страны ужаса турецкихъ нашествій. Съ этой цѣлью предпринимаются многочисленные дипломатическіе переговоры съ Венгріей, съ Римомъ, съ Венецией, Германіей и даже съ Франціей, съ которой Ягеллоны въ 1500 г. заключаютъ союзъ. Обезпечивъ себя такимъ образомъ съ востока, Альбрехтъ обращаетъ все свое вниманіе на дѣла Тевтонскаго ордена, новый магистръ котораго Фридрихъ, князь саксонскій отказывался принести королю вассальную присягу. Съ какой рѣшительностью принялъся король за дѣло, окончательно цѣлью котораго должно было быть присоединеніе земель ордена къ коронѣ, и какой поддержкой шляхты пользовались и это дѣло, и вообще политика короля, несмотря на предшествовавшія неудачи,—лучшимъ доказательствомъ всего этого былъ сеймъ 1501 г. Это единственный сеймъ, который ограничилъ въ пользу короля собственныя прерогативы, признавъ за королемъ право созывать «посполитое рушеніе» (народ-

ное ополченіе) безъ разрѣшенія сейма. Внезапная смерть короля прервала эти проекты и заставила обратить вниманіе опять на востокъ, на Литву и Русь.

Буковинское пораженіе повело однако и къ благопріятнымъ для Польши результатамъ. Южная Русь, отрѣзанная отъ моря татарами и турками, лишенная своихъ сплавныхъ путей: Днѣстра, Буга и Днѣпра, а тѣмъ самимъ и вывоза своихъ произведеній, утратила основы своего материальнаго развитія, могла ихъ искать только въ Польшѣ и, не будучи въ состояніи думать о самостоятельности, должна была какъ можно тѣснѣе соединяться съ Польшей. Точно также становившіяся все болѣе смѣлыми нападенія Москвы принуждали литовскихъ можновладцевъ оглядываться на Польшу, которую они уже воспользовались для усиленія своего личнаго положенія, которой они старались во всемъ подражать при Казимирѣ Ягеллонѣ, но отъ которой они до сихъ поръ стояли, опасаясь ея перевѣса и вліянія. Теперь, когда упорный и настойчивый врагъ сильно тѣсnilъ ихъ, они, не имѣя другого исхода, спѣшили заявить свою пріязнь къ полякамъ. Поэтому въ 1499 г. они возобновили унію, видя, что бракъ Александра на Еленѣ, дочери Ивана Васильевича, не помѣшаетъ новой войнѣ. Когда же Брянскъ, Путівль и Дорогобужъ попали въ руки побѣдоноснаго Ioanna, а гетманъ литовскій Константина Острожскаго проигралъ битву при Ведрошѣ (1500), въ Польшѣ по смерти Альбрехта послѣдовало избраніе королемъ великаго князя Александра, минуя любимаго всѣми Сигизмунда, и новое подтвержденіе уніи въ 1501 г. въ Мельникѣ. Заключено было обязательство сообща выбирать короля польскаго и вмѣстѣ великаго князя литовскаго, собирать общіе сеймы и вести сообща войны. Послѣ коронаціи и установленія податей Александръ немедленно выѣхалъ съ польскими подкрѣпленіями въ Литву, чтобы успѣшнѣе вести войну съ Москвой.

§ 65. Борьба Александра съ можновладствомъ. (1501—1506).

Важныя и трудныя задачи ожидали Александра и въ самой Польшѣ. Предшественникъ его Янъ Альбрехтъ сломилъ значеніе можновладства и низвелъ прежніе съѣзы сановниковъ, во всемъ, даже во внутренней политикѣ, стѣснявшіе короля, до значенія своей приближенной Рады (сената), которую онъ созывалъ, когда хотѣлъ, и которой слушалъ настолько, насколько хотѣлъ. Король

сдѣлалъ это при помощи сеймиковъ и посольской избы, иначе говори, при помощи шляхты, которой онъ пользовался такъ искусно и которой подтвердилъ поэтому Непавскія привилегіи, а въ числѣ ихъ и постановленіе, санкционирующее существование сеймиковъ¹⁾.

Добившись чего хотѣлъ, т. е. фактической власти, получая всегда отъ шляхты то, въ чемъ нуждался, т. е. подати и войско, онъ не заботился о законодательномъ опредѣлѣніи нового порядка вещей, но бросился въ великую войну, будучи увѣренъ, что, возвратившись изъ нея побѣдителемъ, укрѣпить свой монаршій авторитетъ и установить почти неограниченную власть. Этотъ разсчетъ былъ вполнѣ вѣренъ, но только на случай побѣды. Буковинское пораженіе, а еще болѣе смерть самого Альбрехта предоставили опять королевскую власть, до сихъ поръ точно не опредѣленную, покушеніямъ со стороны можновладства, которымъ могли возобновиться при первомъ удобномъ случаѣ.

Избраніе Александра и его отсутствіе въ странѣ дали польскимъ панамъ этотъ желанный случай подняться изъ упадка, въ который ихъ повергъ союзъ Альбрехта со шляхтой, и завладѣть вожделѣнныемъ правленіемъ. На этотъ разъ однако они хотѣли упрочить свою власть закономъ и обеспечить себя отъ возможныхъ нападеній со стороны короля. Они могли ставить условія избираемому королю и дѣйствительно принудили Александра передъ коронаціей подтвердить пресловутую привилегію 1501 г. въ Мельниѣ, оставившую польское правительство только по имени королевскому, а въ сущности вводившую полную аристократію. Король долженъ быть быть только президентомъ сената, который самъ судилъ своихъ членовъ, самъ постановлялъ рѣшенія во всѣхъ дѣлахъ, не только о новыхъ законахъ, но также о всей админи-

¹⁾ Шуйскій приписываетъ Альбрехту планъ уничтоженія посольской избы и управления съ помощью сеймиковъ, основываясь на томъ обстоятельствѣ что въ законахъ сейма 1496 г. рѣчь идетъ только о сеймикахъ. По моему мнѣнію, это предположеніе ошибочно, такъ какъ: 1) законы 1496 г. не что иное, какъ только санкція привилегій 1454 г., въ которыхъ еще не было рѣчи о посольской избѣ; 2) посольская изба возникла до 1496 г., но существовала въ качествѣ конгресса delegatovъ отдѣльныхъ сеймиковъ, за которыми было признано въ принципѣ право давать разрѣшеніе на сборъ податей и войска, а обѣ этомъ принципѣ говорятъ законы 1496 г. и 3) при Альбрехтѣ мы видимъ многочисленные слѣды дѣятельности посольской избы, но не находимъ почти ни одного слѣда фактической дѣятельности сеймиковъ, кромѣ выбора пословъ.

страції, чиновники должны были подниматься на высшія должности по строгой очереди, а старосты обязаны были слушаться приказаній не короля, а сенаторовъ. Сеймики и послы не были совершенно устранины, но окончательное рѣшеніе было представлено старшимъ панамъ Рады, т. е. сенаторамъ. Итакъ, выѣхавши въ Литву, Александръ оставилъ сенаторамъ совершенно свободныя руки, а президентомъ въ свое отсутствіе назначилъ своего брата Фридриха. Оказалось однако, что сенаторы умѣли давать много совѣтовъ, умѣли критиковать и жаловаться, но не въ состояніи были осуществить энергического управлѣнія, не умѣли выйти изъ тѣсной сферы привилегій и частныхъ своихъ интересовъ, хотѣли править, но скучились на средства управлѣнія—подати. Въ этотъ разъ ясно, чѣмъ когда либо, выказалось, что аристократія въ Польшѣ уже совершенно пережила себя и могла проявляться только въ видѣ можновладческой анархіи. Среди общаго беспорядка войска, выставленныя для обороны Руси, не получая жалованья, расходились по домамъ, грабя окрестности, а ужасные набѣги татаръ опустошали восточные области. Весь народъ призывалъ короля, безъ котораго все разстроилось; не помогли и постановленія сейма 1513 г., путемъ которыхъ можновладство запекивало у шляхты, жертвуя ей, еще болѣе, чѣмъ это дѣлали короли, интересами городовъ и сельскаго населенія; сами сенаторы должны были убѣждать Александра скрѣй возвратиться изъ Литвы.

Александръ и возвратился, но, пользуясь общимъ недоброжелательствомъ къ можновладству, онъ по примѣру своего брата Альбрехта вступилъ въ союзъ со шляхтой, собралъ въ 1504 и 1505 гг. два большихъ сейма, уничтожилъ мельницкую привилегію и законодательнымъ путемъ опредѣлилъ новую форму правительства. Душою и творцомъ этихъ реформъ былъ, homo bonus, человѣкъ съ большой энергией и еще болѣшимъ честолюбіемъ, Янъ Ласкій, возвышенный Александромъ на должность канцлера.

Начали съ реформы финансъ или, вѣрнѣе, со спасенія остатка коронныхъ имѣній, подвергавшихся полной растратѣ. Законъ 1504 г. положилъ предѣлъ щедрости королей, которой до сихъ поръ пользовались сильные паны, и постановилъ считать не имѣющимъ силы всякое отчужденіе или обложение коронныхъ имѣній, произведенное безъ согласія сейма. Теперь было трудно и даже невозможно думать объ абсолютномъ правленіи, которое бы опиралось на многочисленный шляхетскій классъ. Непреобо-

римымъ препятствиемъ на пути къ этому стояла для короля мельницкая привилегія, легально установившая правленіе сената. Александръ долженъ былъ считаться съ духовнымъ и свѣтскимъ мажновладствомъ, долженъ былъ допустить его къ соучастию въ правленіи и удовлетвориться тѣмъ, что въ качествѣ третьаго сильнаго дѣятеля допустилъ къ этому правленію шляхту и въ посольской избѣ искалъ противовѣса сенату. Основной законъ 1505 г., начинавшійся словами: «nihil novi», объявилъ, что король не постановитъ ничего новаго безъ согласія сената и посольской избы. За королемъ оставалась вся исполнительная и судебная власть, которую онъ освободилъ изъ-подъ вліянія сената и которой поэтому пользовался безраздѣльно.

Польскіе паны пытались такъ или иначе оторвать Александра отъ этой законодательной и реформаторской дѣятельности и силою своего вліянія на католическихъ літовскихъ пановъ подняли въ Литвѣ замѣшательства, цѣлью которыхъ сдѣлался русскій князь Михаилъ Глинскій, довѣренный помощникъ Александра въ Литвѣ. Однако Александръ не далъ сбить себя съ своего пути; онъ внезапно отправился въ Литву, лишилъ воеводства троцкаго главу літовскихъ недовольныхъ, Яна Забржезинскаго, другихъ удалилъ изъ своего совѣта и, возвратившись въ Польшу, съ сильнымъ раздраженіемъ противъ пановъ окончилъ намѣченную реформу. Для полнаго же ея окончания Александръ поручилъ канцлеру Ласкуму собрать и напечатать всѣ прежніе законы, сохранившіеся только въ немногихъ рукописяхъ. Выполненный Ласкимъ сборникъ законовъ былъ напечатанъ въ 1506 г. и сильно распространілъ въ народѣ знакомство съ польскимъ законодательствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ, какъ судамъ, такъ и сеймамъ, королю и его чиновникамъ надежнымъ указаниемъ однообразнаго способа дѣйствій.

Глинскій же отблагодарилъ короля блестящей побѣдою, одержанной имъ въ 1506 г. надъ татарами подъ Клецкомъ, но король получилъ извѣстіе обѣ ней уже на смертномъ одрѣ и вскорѣ умеръ.

§ 66. Преобразованіе государства.

Краткія царствованія Альбрехта и Александра изобиловали богатыми послѣдствіями для Польши, такъ какъ втеченіе ихъ совершилось великое преобразованіе прежнаго политического строя

польского народа. Развиваясь не на угрюмомъ фонѣ схоластическаго знанія, но въ блескѣ «возрожденія» Польша начинаетъ собирать всѣ свои силы, чтобы участвовать въ борьбѣ за вышія стремленія человѣчества. Центромъ такого стремленія становится вновь возникшій организмъ, общій («вальный») сеймъ королевства. Сеймъ слагался изъ трехъ факторовъ: короля, сената и представителей народа.

Король выступалъ здѣсь, окруженный своимъ совѣтомъ, получившимъ название сената. Это былъ тотъ же самый сѣєздъ сановниковъ, какой съ давнихъ временъ созывали короли, только теперь съузившійся. Отъ него отпали всѣ нишіе чиновники, остались только епископы, воеводы, каштеляны и канцлеръ, подканцлеръ, коронный и надворный маршалокъ и подскарбій. Сенатъ этотъ составлялъ приближенный совѣтъ короля и чаще всего такъ и назывался (Rada J. K. Mci); собирался онъ по каждому призыву короля, во время-ли сейма или тогда, когда сейма не было, засѣдалъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ короля и совѣщался о томъ, относительно чего король хотѣлъ узнать его мнѣніе, будь это законодательство, внутреннее управление страны или веденіе войны и дипломатическихъ переговоровъ. Но мнѣніе сената стѣсняло короля согласно закону 1505 г. только въ тѣхъ вопросахъ, которые были предоставлены рѣшенію сейма.

Народъ—шляхта выступалъ въ сеймѣ въ лицѣ своихъ представителей или уполномоченныхъ, пословъ, выбранныхъ на сеймикахъ и засѣдавшихъ въ особой посольской избѣ подъ предсѣдательствомъ избранного ими посольского маршала. Здѣсь постановлялись рѣшенія, которыя однако лишь въ томъ случаѣ становились закономъ, если король, справившись съ мнѣніемъ сената, также соглашался на нихъ. Это происходило на общихъ засѣданіяхъ сейма, на которыя посольская изба приходила къ королю, окруженному сенатомъ. На такихъ засѣданіяхъ король устами канцлера или подканцлера, а въ важныхъ случаяхъ и самъ лично сообщалъ свою волю посольской избѣ, указывая ей дѣла, которыя надлежало рѣшить (такъ называемыя предложения «грозозусье») и затѣмъ выслушивалъ рѣчи, которую отъ имени пословъ и съ ихъ совѣта произносилъ посольский маршалокъ или иной посолъ-ораторъ, уполномоченный на это избою. Въ важнѣйшихъ вопросахъ король приказывалъ сенаторамъ возвирать публично, т. е. объявлять свое мнѣніе по порядку старшинства для свѣдѣнія присутствующихъ пословъ. Въ сферу дѣятельности сейма входило только: 1) установление экстра-орди-